

МОРАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

КАРАТАБАН Ирина Асфаровна

кандидат социологических наук

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»
г. Майкоп, Россия

В статье рассматривается социальное восприятие необходимой характеристикой культурной среды, которая требует большего внимания при изучении ситуационного влияния на моральное суждение. Действиями, ситуациями и отношениями определяются моральные суждения. Теории морали с двойным процессом подчеркивают, что мораль часто воспринимается как интуиция и социальные группы, изменяют моральные суждения с важными последствиями для того, что считается и не считается моральным поведением.

Ключевые слова: мораль, моральное суждение, нравственность, поведение.

Моральные суждения определяются действиями, ситуациями и отношениями. Теории морали с двойным процессом подчеркивают, что мораль часто воспринимается как интуиция, которая говорит нам, что что-то не так, признавая при этом, что «наша интуиция изучает свою интуицию», как ситуации и восприятия влияют на моральное познание и, в свою очередь, на социальное поведение. В современном мире совсем недавно не хватало больничных коек или респираторов, чтобы все пациенты могли получить адекватную медицинскую помощь. Врачи были вынуждены сравнивать одну жизнь с другой. Многие страны столкнулись с такой же ужасной ответственностью. Для таких разрушительных моральных решений не существует хороших чертежей. Одна группа специалистов по биоэтике предложила, чтобы в случае нормирования оборудования или ухода приоритет отдавался молодежи и тем, кто работает на переднем крае здравоохранения. Государственные планы в Алабаме предусматривают схему, в которой «лица с тяжелой или глубокой умственной отсталостью, умеренной или тяжелой деменцией или катастрофическими неврологическими осложнениями, такими как стойкое вегетативное состояние, вряд ли будут кандидатами на поддержку искусственной вентилиции легких». Врачи в Пенсильвании создали восьмибалльную шкалу, которая с тех пор была принята больницами по всей

стране, для расчета ожидаемой продолжительности жизни пациента до COVID (с учетом любых ранее существовавших заболеваний), а также вероятности его выживания в текущей госпитализации, поскольку врачи сортируют, кто будет... а кто не будет – получит спасительную помощь [12]. Многие учреждения рассматривали возможность принятия универсальных приказов не реанимировать пациентов с коронавирусом из-за рисков, которые такие усилия могут представлять для персонала больницы. Эти душераздирающие приготовления, не говоря уже о реальных решениях, совсем недавно казались невыносимыми. Ситуационные нарушения переворачивают с ног на голову все, большое и маленькое. Возможно, нам лично не придется выбирать, кому жить, а кому умереть. Тем не менее обсуждаемые социологические исследования категоризации и классификации также помогают нам увидеть, как в это время «социального дистанцирования» нас на самом деле призывают расширить нашу вселенную моральных обязательств. Все, что мы делаем (и не делаем), теперь определяет, сколько мучительных решений о жизни и смерти приходится и придется принимать врачам и медсестрам. Самые уязвимые из нас внезапно становятся более заметными: мы глубоко связаны не только с пожилыми людьми и больными, но и с бездомными, заключенными, людьми без документов. Наша реакция должна быть альтруистичной, чтобы спасти как можно

больше, но часто это не так: мы видели, как люди копили продукты и взвинчивали цены на запасы обычно дешевых и действительно жизненно важных товаров.

И постоянно нужно обдумывать о том, как ситуационные обстоятельства взаимодействуют с социальными отношениями, чтобы формировать моральные суждения. Это не призыв к моральному релятивизму, а настоящее признание того, что когда дело доходит до индивидуального суждения, мораль относительна. То, что мы считаем хорошим и плохим, становится немного неясным, когда мы оказываемся на незнакомой территории, и поэтому мы пересматриваем наши отношения, а также то, кто и что действительно имеет значение. Наша теория неполна без этого понимания. Как понять, что действие неправильное? Исследования моральных суждений показывают, что участие, наблюдение или даже размышление о моральных нарушениях автоматически вызывает негативную эмоциональную реакцию. Как объяснила в отношении физического насилия, «когда мы думаем о том, чтобы воткнуть булавку в руку ребенка, или слышим историю о том, как человек ударил своего отца, у большинства из нас возникает автоматическая интуитивная реакция, которая включает в себя вспышку отрицательного аффекта». Аргумент Хайдта [14]. Как основан на большом количестве исследований, предполагающих, что быстрые и медленные когнитивные процессы лежат в основе человеческого познания, и это становится все более влиятельным в социологии [9]. Однако в последние годы в рамках когнитивных наук были достигнуты значительные успехи. Подчеркивающие невнимание Хайдта к ситуационным вариациям – в частности, знакома ли дилемма – в то время как отдельная работа привлекает внимание к взаимосвязи между аффектом и социальным восприятием – насколько бессознательно убеждения о других формируют то, как мы относимся к ним и впоследствии относимся к ним. В результате предполагается, что моральное суждение относится не только к действиям, но и к ситуациям и отношениям. Более того, социологи, которые давно знают, как ситуации и

отношения влияют на человеческое суждение, обладают уникальной способностью учитывать это влияние в наших исследованиях. Таким образом, чтобы дополнить растущее включение исследований из когнитивных наук в социологию.

Рассматривая исследования в области культуры, размышляя о действии в отношении морального суждения, выделив две выдающиеся модели в когнитивных науках: модель социальных институтов Джонатана Хайдта и модель цифровой камеры. Первому уделяется значительное внимание в социологии, а второму, имеющему большое влияние на моральную психологию, – нет. И полагается, что последнее особенно стоит включить в исследование, поскольку его внимание к ситуационным вариациям отражает большую работу в нашей собственной дисциплине, которая подчеркивает, как социальные ситуации содержат свои собственные значения и ожидания, которые формируют суждения и действия людей.

Моральное суждение I: культура в размышлениях о действии. В последние годы идея о том, что эмоции управляют моральными суждениями, приобрела известность благодаря двум новаторским моделям, появившимся в психологии, чтобы бросить вызов многолетнему предположению о том, что мораль является результатом рационального мышления: социальной интуиционистской модели Джонатана Хайдта и цифровой камере модель. Также известная как модель слона и всадника [14], предполагает, что люди делают выбор между правильным и неправильным. И на основе сильно прочувствованных интуитивных реакций на моральные дилеммы (когнитивная обработка типа I). Моральное рассуждение – это постфактум процесс, возникающий для оправдания первоначальной аффективной реакции (когнитивная обработка типа II) [14; 5]. Концепции Хайдта, обращают внимание на влияние ситуаций на моральное суждение. И все идет нормально и работает так, как ожидалось, когнитивный тип I управляет оценкой. Подобно предустановленному режиму камеры с фиксированными настройками для съемки фотографий в различных условиях, эвристика типа I предлагает короткие пути, формируя чувства и направляя суждения в обычное время. Однако

в новых или сложных ситуациях, когда очевидная обстановка не ясна, становится необходимым «диалог наших сознательных рассуждений и интуитивных чувств» и более преднамеренные корректировки [3, с. 286]. Результатом является познание типа II, при котором медленные, явные и сознательные вычисления проявляются как когнитивные ручные корректировки. «Моральные дилеммы различаются по степени, в которой они связаны с эмоциональной обработкой» [6, с. 234], и новые и сложные проблемы бросают нам вызов, потому что нашим эвристикам не хватает необходимой подготовки, чтобы направлять нас.

Социальная интуитивистская модель Хайдта стала глубоко влиятельной в современных социологических теориях морали во многом благодаря широко цитируемой статье [14], которая представила Хайдта социологической аудитории. Согласно которому, интернализированные убеждения и ценности мотивируют моральные (размышления) действия. Предоставляя людям имплицитное понимание того, что хорошо и к чему стоит стремиться, а что плохо и чего следует избегать. Подобно эмоциям в социальной интуиционистской модели, эти интернализированные убеждения бессознательно управляют нашими суждениями; они становятся явными в качестве оправданий только тогда, когда того требуют требования социального взаимодействия. Таким образом, познание типа I сродни социологическим теориям практики, согласно которым воплощенные диспозиции направляют действие, а модель набора инструментов, в которой культурные значения оправдывают действия [3; 6, с. 284], хотя эти явные оправдания появляются только тогда, когда от людей требуется их предоставить. Некоторые демонстрирует свою аргументацию, сравнивая ответы подростков в ходе фиксированного опроса и углубленного интервью на вопросы об их ценностях и моральных дилеммах. И утверждает, что моральная интуиция подростков, выраженная в опросах, лучше предсказывает их будущие действия, чем их явные ответы на вопросы интервью об их моральных дилеммах – про социальное и девиантное поведение. Он заключает, что если мы хотим понять влияние

моральных ценностей на действия, методы исследования должны обращаться к практическому типу сознания I, а не к дискурсивному типу II [10, с. 243].

С момента публикации Вайси произошел всплеск социологических исследований, изучающих, как приобретенные имплицитные ценности мотивируют размышления о действиях, а также само действие с точки зрения двойного процесса [5]. Например, исследования на макроуровне сравнивают взаимосвязь между бессознательными моральными схемами и самооценочным поведением в разных странах и на национальном уровне в отношении поведения при голосовании и волонтерства. На мезоуровне исследования изучают, как изменение моральных схем молодых людей связано с изменениями в их личных социальных сетях и то, как бессознательное представление о себе как о независимом или партнере влияет на вероятность того, что человек присоединится к профессиональной сети, охватывающей границы. Наконец, исследования на микроуровне рассматривают, как воплощенные моральные установки на идеализированное будущее, святость окружающей среды или религиозно-моральные ценности формируют индивидуальное поведение [4, с. 76]. В каждом из этих примеров основная идея состоит в том, что неявные ценностные обязательства типа I управляют суждениями и действиями, а явное мышление типа II возникает постфактум и только при наличии подсказки для объяснения поведенческого выбора.

Ситуационные вариации.

Несмотря на важный вклад этой работы, социологическая наука имеет тенденцию отдавать приоритет воплощенным моральным ценностям как независимо формирующим действия, не обращая внимания на то, как ситуационные вариации влияют на динамику суждения-действия, особенно ситуации с новыми и незнакомыми особенностями [13, с. 133]. Безусловно, одним из наиболее значительных вкладов социологии в психологические исследования морали является внимание к *контекстуально-культурным* вариациям того, что классифицируется как моральное: когда, почему и кем. Но часто эта культурная

вариация концептуализируется как статическая: ценности двух или более социальных групп сравниваются так, как будто на процессы морального суждения отдельных членов группы не влияют *ситуационные* контексты и непредвиденные обстоятельства. Другими словами, существует тенденция относиться к культуре как к географии. Сравнивая ее в разных странах, социодемографии, социальные категории, и уделять меньше внимания культуре, как *особенностям ситуаций*, которые могут привести к внутригрупповым или даже внутри индивидуальным вариациям [11, с. 29]. Тем не менее многие социальные теоретики, и, как показали многочисленные исследования с тех пор, особенности ситуаций формируют суждения и действия, поскольку каждая ситуация содержит свои собственные значения и ожидания, иногда даже выстроенные в самом процессе взаимодействия. Даже наши социальные идентичности зависят от ситуации, поскольку различные аспекты нашей личности могут быть более или менее актуальными в зависимости от особенностей ситуации, в свою очередь формируя неявное суждение.

Впоследствии, изучая, обширный и отдельный массив исследований культуры и познания изучает, как различные особенности ситуаций формируют суждения и действия. Это включает в себя характеристики физической среды, такие как обстановка, в которой человек находится (например, парк, церковь, улица), и характеристики обстановки, включая ее звуки и запахи. Он также включает характеристики материальной среды: как материальные качества объектов формируют значения, которые люди приписывают ситуациям. Интерактивные особенности ситуаций также имеют значение, включая как вербальное, так и невербальное общение: язык, голос, акценты, интонация, грамматика, прикосновения, телесные сигналы и жесты, и это лишь некоторые из них. Наконец, характеристики социальной среды, формирующие суждения и действия, включают наблюдения за поведением, которые зависят от сетевых характеристик отношений человека, а также от социальных характеристик вовлеченных акторов, что является

важнейшей характеристикой любой ситуации, включающей людей, реальных или воображаемых. Комбинированные, физические, материальные, интерактивные и социальные особенности ситуаций могут быть классифицированы как формы «общественной культуры», которые предоставляют знания о мире информационными и значимыми способами, всегда зависящими от «личной культуры» данных получателей: внутренние когнитивные ассоциации, развившиеся в результате повторения воплощенного опыта [2, с. 343]. В той мере, в какой личные культуры людей резонируют с особенностями ситуаций, с которыми они сталкиваются, они способны «решать» практические проблемы и плавно перемещаться по миру.

Что происходит, когда у актеров *отсутствует* необходимая личная культура, необходимая для понимания ситуации, в которой они находятся? Другими словами, что происходит, когда люди оказываются в новых и незнакомых ситуациях: в местах со странными звуками и запахами, где люди говорят на разных языках и используют чужие жесты? Или настройки с незнакомыми объектами, или когда материальные качества объектов внезапно изменились? А как быть с теми ситуациями, в которых сети и паттерны взаимодействия беспорядочны или когда люди оказываются не теми, кем вы когда-то их считали? На микроуровне это именно такие ситуации, которые называемые «неустроенными», которые характеризуются разрушением «считающихся само собой разумеющимися» внешних культурных лесов», и что [5] предположил в конце своей статьи: «может благоприятствовать разным сочетаниям схематической и совещательной обработки» (стр. 1707). Зарождающиеся исследования культуры и познания показывают, что в таких ситуациях познание типа I неадекватно.

Например, Н.Н. Зарубина [8, с. 63] изучила газетные сообщения о людях, пытающихся протестовать, расплачиваясь крупными суммами мелких денег и монет, и обнаружили, что эти действия вызывают сильную реакцию, поскольку они нарушают само собой разумеющееся значение денег. Используя знакомый объект незнакомым способом,

деньги внезапно начинают требовать сознательного внимания и напряженной интерпретации, усиливая эмоции. Точно так же, а также со ссылкой на существенность, Епифанова [7, с. 103] показали, как, когда актеры в книжных клубах сталкиваются с новыми культурными объектами – в данном случае с совершенно новым романом, – они активно работают над определением его общего значения, взаимодействуя с похожими другими. Через эти взаимодействия смысл книги начинает отражать социально-демографические различия, но все начиналось иначе. Учитывая новизну текста, культурных предрасположенностей членов книжного клуба было недостаточно, чтобы руководствоваться их суждениями. Требовалось явное обсуждение посредством взаимодействия.

Каждый из этих примеров относится к ситуации, в которой только одна черта окружающей среды была незнакомой – то, что [1] называли небольшими «пробелами» в обычном «онтологическом соучастии» между воплощенными диспозициями и внешними проявлениями в среде. В другом месте описал их как «условия легкой неопределенности», когда люди намеренно полагаются на «практики, доступные в памяти или [другие аспекты] культурной среды», чтобы определить стратегию действий.

Напротив, и в отдельном направлении исследования, социологическое исследование кризиса рассматривает ситуационные нарушения в гораздо более широком масштабе: полный и неожиданный структурный коллапс. Это ситуации с «неустойчивыми» и «несуществующими» культурными лесами, в которых внезапные разрывы вызывают перерыв в рутинной практике и неопределенность результатов. Такие ситуации выдвигают сознание на передний план, поскольку актеры пытаются найти путь вперед. Они также особенно эмоциональны, поскольку сбои, вызванные кризисом, могут посеять страх, замешательство и неуверенность. Но именно потому, что рутинная практика не может служить руководством, эмоций недостаточно, чтобы указать путь. Даже Бурдье и Гидденс писали, что «рациональный выбор может взять верх» во «времена кризиса», когда

«рутинное согласование субъективных и объективных структур жестоко нарушается» – в этом смысле рациональный выбор относится к непривычному и явному решению проблем. Следовательно, даже «основатель» теории практики предположил, что в ситуациях, когда общественная культура дезорганизована, требуется намеренное обдумывание.

Эти примеры показывают, что для социологов, использующих теории двойного процесса познания, важно обращать внимание на то, как особенности ситуаций, устоявшихся или неурегулированных, влияют на моральные суждения и действия. По мере того, как люди путешествуют по миру, они сталкиваются с различными формами общественной культуры, которые структурируют значения ситуаций как морально хорошие, морально плохие или морально нейтральные, в зависимости от их предшествующих предрасположенностей. Однако в новых, незнакомых и кризисных ситуациях, люди не могут полагаться на личную культуру в качестве руководства. Они должны намеренно пробиваться. Таким образом, Хайдта, возможно, достаточно для объяснения рутинных моральных суждений (например, воровать плохо), но в тот момент, когда в ситуацию вкрадывается неожиданный элемент (но мне нужно лекарство, которое стоит денег, которых у меня нет, чтобы спасти мою супругу). Обращая внимание на тот факт, что иногда «диалог наших сознательных рассуждений и интуитивных чувств» и модель цифровой камеры может помочь объяснить, когда и почему наши автоматические интуитивные представления о морали недостаточны, чтобы направлять наши суждения, а также что мы делаем, чтобы преодолеть такие дилеммы. Это также может помочь нам найти разницу между *тем, как мы себя чувствуем*, и *тем, что мы чувствуем по поводу того, что мы чувствуем*, а также работу, которую мы делаем, чтобы регулировать наши чувства, в том числе в отношении моральных нарушений. Наконец, модель цифровой камеры может помочь нам теоретизировать несоответствие между моральными суждениями и действиями, например, когда люди ведут себя так, как они считают неправильным, но все

равно решают поступать. Когда дело доходит до нравственного познания, иногда достаточно наших «горячих» и «быстрых» инстинктов. Но часто, особенно в сложных ситуациях, необходимо обдумывание типа II.

Следовательно, плодотворным шагом для социологов морали является переосмысление доминирования модели Хайдта «слон и всадник» с учетом предположения Вайси о том, что совещательная обработка может возникать не только постфактум, но и в «неспокойные» времена, когда «социальные и культурные» понятия изменились, к которым приспособилось их практическое сознание [14; 5]. И поставить идеи Гидденс в диалог с социологическими исследованиями ситуативных влияний культуры на познание [6, с. 143]. Как личная культура взаимодействует на новые ситуации и кризисы, чтобы определить, будут ли люди использовать когнитивную обработку типа I или типа II для вынесения моральных суждений? Именно то, как решаются моральные дилеммы, и взаимосвязь между этим процессом и более широкой социальной динамикой должны быть в центре исследования. Именно к этому последнему аспекту связи культура и познание я сейчас и перехожу.

Моральное суждение II: культура мышления о людях.

В работах Хайдта есть недостаток, который медленно проникает в нашу дисциплину и должен заставить нас задуматься, вынуждая социологов использовать *еще больше* наших инструментов для изучения психологических теорий морального суждения. Недостаточно внимательно относится к способам социального восприятия и опосредует моральное суждение, хотя на наши оценки и других *также* влияет воплощенная культура. Другими словами, один и тот же человек в одной и той же ситуации может по-разному относиться к одному и тому же поведению в зависимости от субъекта (субъектов), вовлеченных во взаимодействие. Это связано с тем, что приобретенные моральные установки относятся не только к суждениям о поступках, но и к суждениям о людях. Более того, поведенческие суждения и оценки людей часто, если не всегда, пересекаются [14, с. 43], был лаконичен: «Категории, применяемые к людям и по-

ведению, могут влиять на наши ожидания в отношении людей и наши интерпретации их поведения». Следовательно, социальное восприятие является необходимой характеристикой культурной среды, которая требует большего внимания при изучении ситуационного влияния на моральное суждение.

В статье рассматривается, что моральные суждения определяются действиями, ситуациями и отношениями. Теории морали с двойным процессом подчеркивают, что мораль часто воспринимается как интуиция, которая говорит нам, что что-то не так, признавая при этом, что «наша интуиция изучает свою интуицию». Социологическое исследование, которое основывается на этих идеях или связано с ними, рассматривает, как межкультурные различия, когда культура часто заменяет географию или социальные группы, изменяют моральные суждения с важными последствиями для того, что считается и не считается моральным поведением. Однако в этих подходах отсутствует идея о том, что в зависимости от особенностей ситуации и особенно *социальных* особенности ситуации, одно и то же поведение, оцениваемое одним и тем же человеком, может считаться более или менее нравственным. Более того, по мере того как во внешней среде «возникают» различные ситуационные дилеммы, наши моральные суждения могут переходить от быстрых и автоматических к медленным и преднамеренным, поскольку мы стремимся осмыслить действия других или даже свои собственные. Многие из нас ведут себя в одних ситуациях так, как в других не сочли бы приемлемым. Это говорит о том, что наши моральные суждения гораздо менее внутренне стабильны, чем это допускают современные теории. Следовательно, то, как мы оцениваем нравственность, аморальность или даже моральную уместность действия, также зависит от особенностей ситуации, в том числе от того, насколько она знакома или нет, и от воспринимаемых социальных категорий субъектов, вовлеченных во взаимодействие. Будущие исследования морали должны более полно учитывать в своем анализе взаимосвязь действий, ситуаций и отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева Г.М.* Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал: электронный журнал. – URL: doi: 2079-6617/2013.0106.
2. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 480 с.
3. *Бурдые П.* Социология социального пространства / общ. ред. пер. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2013. – 288 с.
4. *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. *Вайси С.* Мотивация и обоснование: двухпроцессная модель культуры в действии // Американский журнал социологии. – 2009. – № 114(6). – С. 1675-1715.
6. *Гидденс Э.* Социология. – М., 1999. – 586 с.
7. *Епифанова А.Г.* Дизайн в визуальной культуре: социокультурные смыслы и функции // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 3. – С. 101-107.
8. *Зарубина Н.Н.* Культура богатства в дискурсе неравенства: особенности в современной России // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 63.
9. *Контанисова П.А.* Риски социальной изолированности молодёжи в период пандемии // Человек и его социальная жизнь в ожидании конца пандемии: к 30-летию факультета социологии РГСУ. – М.: РГСУ, 2021. – С. 165-169.
10. *Роже К.* Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры. – М.: ОГИ, 2007. – 304 с.
11. *Симонова О.А.* Социология эмоций и социология морали: моральные эмоции в современном обществе // Социологический ежегодник. – 2014. – № 3. – С. 1-41.
12. *Уайт Дуглас Б., Кац Митчелл, Люс Джон, Ло Бернард* Распределение дефицитных ресурсов интенсивной терапии во время чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения». Университет Питтсбурга, департамент медицины интенсивной терапии. 2020. – URL: <https://defeatcovid.ru/for-doctors/raspredelenie-deficitnykh-resursov-intensivnoi-terapii-vo-vremya-chrezvychainoi-situacii-v-oblasti-obshestvennogo-zdravookhraneniya>.
13. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. – 287 с.
14. *Хайдт Дж.* Новый синтез в нравственной психологии // Наука. – 2007. – № 316(5827). – С. 998-1002.